

А. А. Шаховской

Нечаянная свадьба

Дед матери моей Владимир Львович Ш...в был, судя по реляциям его генерала и тестя, отличным офицером, по словам моей бабушки, а его дочери, чадолюбивым отцом, по рассказам старинного его слуги, добрым господином, а по портрету, списанному с него каким-то славным италиянцем, прекрасным мужчиною. Однако же, несмотря на все эти достоинства, его записали только простым рейтаром [*Рейтар - солдат тяжелой кавалерии - обычно из наемных иностранцев - в Западной Европе в XVI-XVII вв. и в Российском государстве XVII в.*] в новоформированную конную гвардию, где, потерши, как у нас говорится, лямку, он произведен в ефрейт-капралы [*Ефрейт-капрал - воинское звание младшего командного состава в русской армии XVIII в.*], в виц-вахмистры, наконец в вахмистры [*Вахмистр - звание и должность унтер-офицера в кавалерии.*] и в этом чине отправился в армию с гвардейским эскадроном, назначенным для почести в конвой графа Миниха [*Миних Бурхард Кристоф (1683-1767), русский военный и государственный деятель, генерал-фельдмаршал*]. Под Хотинем пожалован в корнеты, но, по неимению достатка, нужного для содержания себя в гвардии, выпросился в драгунский полк секунд-майором [*Секунд-майор - офицерский чин, существовавший в русской армии в XVIII веке и соответствующий позднему чину капитана*]. В этом новом звании он отличился в каком-то шармицеле [*Шармицель - стычка, перестрелка (нем.)*] при глазах генерал-аншефа [*Генерал-аншеф - высший генеральский чин в Российском государстве XVIII в.*] князя Б... и вскоре поступил к нему в генерал-адъютанты [*Генерала дъютант - одно из высших воинских званий в России (XVIII - начало XX вв.)*], что уже само собою производило его в премьер-майоры [*Премьер-майор - штаб-офицерский чин в русской армии, введенный Петром I в 1711 г.*]. По окончании кампании, когда генералы с их адъютантами отправились на зиму в столицы, князь Б..., оставивший в Москве свое семейство, возвратился в нее и, въехав в княжеские белокаменные палаты, приказал для адъютантов своих нанять поблизости приличные квартиры, кажется, для того, что, имея взрослую дочь, не хотел, чтобы молодые офицеры жили с нею под одной кровлей, а пуще княгиня боялась, чтоб дочь ее не попала на язык нашим московским тараторкам, от которых, как говорил шут Андрюшка, сами щебетуны сороки из Москвы, стыда ради, вылетели и не смеют в нее носа показать. Как бы то ни было, только генерал-адъютант должен был поместиться в деревянном доме, купленном под чужим именем княжим крепостным управителем.

По уставу Петра Великого, адъютанты давались генералам не для одной только воинской службы, но и для облегчения их в домашнем хозяйстве. Прадед мой должен был принять на себя надзор над княжим домом и трехсотною его дворней, на что бы я никак не согласился и лучше бы хотел тереться во фронте десять лет секунд-майором, чем через три года из генеральской кухни и конюшни выскочить в подполковники. Но тогда видели все иначе, и известный своею щекотливою честью прадед мой, Владимир Львович, нимало не оскорбляясь, был, можно сказать, главным дворецким своего начальника и находил по причине, которую скоро узнаете, эту обязанность не только не тягостною, но даже приятною. Исполняя с достойною всякого немца аккуратностью поручения князя Юрия Богдановича, угождая домашними распоряжениями и дешевыми покупками княгине Марфе Андреевне и танцуя совершенно курант и лабуре [*старинные придворные танцы*] с

княжной Марьей Юрьевной, он заслужил от всех трех сиятельств большую доверенность, и они все, каждый по-своему, очень его любили. Вся Москва, согласно с молодою княжною, находила Владимира Львовича прекрасным и любезным человеком; да, по несчастью, он был только премьер-майором, то есть почти ничем перед своим генерал-аншефом. За ним, нераздельно с четырьмя братьями и двумя сестрами, считалось около пяти сот степных душ, что, по верной смете его генеральши, едва ли составляло сотую часть их княжеского имения. Род его хотя и происходил от какого-то мурзы Золотой Орды, получившего при крещении от царя Иоанна Васильевича богатое имение, но, по большому расположению своему, попал почти в мелкопоместное дворянство, и эти причины заставляли князя Б..., братьев и племянников его начальника и графов С..., родственников его повелительницы, удостоивать бедного адъютанта ласковым словом и готовностью покровительствовать, а не больше. Но молодая родственница их сиятельств находила его лучшим мужчиной и первым танцовщиком по всей Москве, и этого было для нее достаточно. Бабушка моя, любя рассказывать похождения своего отца, объяснила взаимные чувства его с княжной Марьей Юрьевной русскою пословицей: "Сердце сердцу весть подает". Но у княгини Марфы Андреевны, как она же сказывала, были на языке другие пословицы, например: "Знай, сверчок, свой шесток", "Не летай, ворона, в высокие хоромы" и "Не в свои сани не садись". Всякий раз, когда мой прадед задумывал о красоте доброй княжны и о благополучии того, кто сподобится быть ее супругом, эти княгинины пословицы отдавались в памяти его зловещим криком ворона: тогда тяжкий вздох вылетал из его груди; но он иногда, вспомнив свои воинские удачи, приободрясь, говаривал, в свою очередь: "Терпи, казак, атаман будешь", а иногда, повеся голову и прошептав: "Плетью обуха не перешибешь", - шел уныло, чтоб размыкать грусть свою, к исполнению своей должности, которая часто давала ему случай схватить на лету ласковый взгляд княжны Марьи Юрьевны.

В это самое время приехал из Петербурга в Москву известный тогда франт камергер граф Ч..., промотавшийся при дворе императрицы Анны Иоанновны. Тогда, как рассказывала бабушка, придворные кавалеры должны были ко всякому высокотожественному дню и большому празднику шить себе новые кафтаны из парчей, бархата с золотыми накладками и пуэндеспанами [*Пуэндеспан - шелковые, серебряные и золотые кружева*], которые становились, каждый, по крайней мере в триста тогдашних рублей, а большие щеголи платили за одну пару кружевных манжет до пятидесяти червонных и отсылали мыть белье в Голландию. Граф Ч..., не хотевший ни от кого отстать в роскоши, принужден был прибегнуть к последнему средству, то есть поскакать в Москву, чтобы подняться на ноги женитьбой, что обещала ему сладить тетушка его, Варвара Селиверстовна, принятая за свою во всех знатных домах. Она, как водится еще и теперь у цеховых свах, на первый случай представила племяннику своему формулярные списки всех тогдашних невест, приличных его званию и чину, с означением их лет, примет, имения и обучения. Номер первый по старшинству совсем не понравился нашему петербургскому графу; над номером вторым он позадумался: все было хорошо, да невеста слишком позасиделась в девицах; номер третий очень бы годился, по личным качествам, да не довольно богат; номер четвертый был бы совершенно удовлетворителен, когда бы, к несчастью, батюшка невестин, по старорусскому упрямству, не был в размолвке со всеми случайными людьми. На номере пятом пришел жених в восторг: под ним было поставлено: "Княжна Марья Юрьевна, единокровная дочь генерал-аншефа и кавалера, восемнадцать лет, девять тысяч душ

отцовских, а матери приходит большое наследство от восьмидесятилетнего деда; росту высокого, волосы темно-русые, брови черные, лицом красавица, говорит по-немецки, понимает по-французски, играет по нотам на клавирах и танцует так, что загляденье..."

- Ах, тетушка! - вскричал камергер, целуя ручку Варвары Селиверстовны, - вот когда бы вы, по милости своей, высватали мне эту невесту, то благодарность моя была бы беспредельна...

- Ох, ох, графушка! - отвечала тетка. - Ты уже слишком затейлив. Отец ее метит в генерал-фельдмаршалы; матушка куда заносчива!.. Да она что-то не путем и прихотлива: отбоярила уже двух женихов - да каких!.. Ивана Сергеевича Щ***; Карла Астафьевича Б***, в котором сам герцог Курляндский [*Бирон Эрнст-Иоганн (1690-1772), герцог Курляндский, российский государственный деятель, фаворит Анны Иоанновны, фактический правитель России в период ее царствования.*] души не слышит. Мать была готова вести ее под венец хоть с тем, хоть с другим; и отец бы, верно, не прочь; да как она сказала ему наотрез: "Воля ваша, батюшка! Я не могу вам не повиноваться, но я их обоих не люблю; и если вы не желаете моей гибели, не выдавайте ни за того, ни за другого...". Генерал разжалобился, а мои женишки снова просили меня хлопотать о других невестах, которых, слава Богу, у нас, на Москве, не занимать стать: найдется и для них, и для тебя, кроме этой причудницы.

- Да почему же вы думаете, - возразил племянник, - что она меня не полюбит. Моя фамилия гораздо знатнее, и сам я, без самолюбия скажу, могу больше понравиться благовоспитанной девице: я принят везде хорошо, знаю и по-французски, бывал при посольстве в чужих краях, а по родству с вице-канцлером надеюсь сам при первой вакансии попасть куда-нибудь в посланники.

- Все это так, и избави меня Господи порочить твои достоинства; да знаешь ли, какая молва идет у нас по Москве? И я сама подметила кое-что, а слышала от домашних княгининых еще больше.

- Что такое, тетушка?

- Наша невеста избалована батюшкою, который сам сходит с ума на своих военных людях. Ей все безмундирные сделались трын-травой, и она пустилась вот в какие продерзости: у ее отца есть фаворит, адъютант, малый, впрочем, хороший, да без рода и племени; за ним ни кола ни двора, и из гвардии вышел затем, что не на что мундиришка сделать: только на беду мастер танцевать и такой на все услужливый, что и сама княгиня им не нахвалится. Да это не пушная беда: она женщина характерная и не захочет себе срама; но дочка пошла в батюшку и без всякого стыда обходится с адъютантом как с равным себе. Я сама своими ушами подслушала, как на куртаге [*Куртаг - прием, приемный день в царском дворце.*] у главнокомандующего она, уронивши опахало, которое он по должности поднял, сказала ему: "Как я вам благодарна: Вы так снисходительны!" Снисходительны! И кто же? Майорчик! "Что не откажете мне", - в чем бы ты думал? - "протанцевать со мною курант!" - и в самую ту минуту, как барон Карл Астафьевич уже ей кланялся и поднимал танцевать, она, будто этого не заметя, подала ручку адъютанту и пустилась с ним выфантывать, - правду сказать, всем на диво.

- Да что ж, тетушка, и это за беда! Пусть майорчик ей нравится, но неужели вы думаете, что он может отбить у меня невесту, которую вы изволите за меня сватать?

- Сватать я рада, а за свадьбу не отвечаю. Разве неудастся ли стороной, через приятельницу, остеречь бедную княгиню от адъютантского умысла. Дивлюсь, как

еще до сей поры никто из христианского долга и из уважения к их знатному дому не вступился за их честь и не уговорил князя сбить скорее с рук неблагодарного наглеца!..

Через несколько дней после разговора графа Ч... с его теткой княгиня вдруг стала очень сухо обходиться с генерал-адъютантом своего мужа; начала придираться ко всем неисправностям слуг, находить, что пьяница повар, верно влюбившись, пересаливал все кушанья, и отпускала разные подобные обиняки. Наконец и сам князь заговорил о выпрашивании своего любимца в подполковники, хотя он еще не выслужил при нем положенных лет. Граф Ч..., представленный уже в дом и его сиятельству, услышав генералово желание, просил, в присутствии прадеда моего, позволения писать в Петербург к своему другу о скорейшем представлении предположенной просьбы, что очень оскорбило Владимира Львовича, и он преучтиво попросил подозрительного ему графа не трудиться за него и не лишать его удовольствия быть обязанным только одному своему начальнику и благодетелю. Тогда еще никто не стыдился признаваться публично в получаемых благодеяниях. Камергер принял эту просьбу с сладко-кислою улыбкой и отделался из уважения к своему званию довольно вежливым поклоном. Но князь, заметив в глазах своего адъютанта батальный огонь, сказал ему:

- Я благодарю графа за его предложение, но почитаю ненужным утруждать его и надеюсь, что наше дело и само не замедлится.

Может быть, никому никакая надежда не была так неприятной, как эта моему прадеду; однако он принужден был, не поморщась, ее проглотить и доложить своему начальнику, что не чувствует еще себя достойным лестной награды, которую угодно его сиятельству ему испрашивать, и никак не желает прослыть в армии счастливым выскочкой. Князь, в свою очередь, попросил адъютанта предоставить ему судить и знать достоинства его подчиненных. Таким образом, эта круговая просьба, не приятная ни одному из трех просимых, окончила разговор о производстве. Прадед мой, взяв шляпу, потупя голову и, по обыкновению, выговоря медленно: "Плетью обуха не перешибешь!", отправился вздыхать на свою квартиру и ждать поневоле с терпением воли Божией.

Уже несколько дней продолжалось холодное с ним обращение всех сиятельств, домашних и приезжающих, кроме самого младшего, но важнейшего для него. Чем больше хмурились другие, тем больше оно прояснялось, только, как будто, украдкой. Между тем, граф Ч..., под штандартом [*флаг, стяг*] своей тетки, открыл кампанию, сперва партизански, нападая нечаянно на слабые места неприятеля, а наконец, ободренный известиями переметчиков, предпринял формальную атаку на главную батарею, то есть на княгиню, которая хотя при всех целовала ручки своего почтенного супруга, однако, один на один, не пропускала случая завладеть его ухом, а иногда потихоньку и за нос водить. Варвара Селиверстовна, как вдова инженер-полковника, подвела мины и пустила племянника своего по покрытому пути, в ожидании взрыва, который был произведен следующим образом. Шпион инженерши, бедная бригадирша, проживавшая для гадания в карты у княгини, заметила, что адъютант в то время, когда княжна Марья Юрьевна протверживает в маленькой гостиной уроки на клавирах, обыкновенно прислуживался ей перевертыванием нот и разговаривал с нею, о чем донесено Варваре Селиверстовне, а Варвара Селиверстовна научила ее намекнуть об этом княгине, которая, вследствие того, попросила свою добрую приятельницу наблюдать за Машей и сказывать ей все, что заметит. Однажды - это было после обеда, - когда гости разъехались, князь ушел к себе отдохнуть, а княгиня в уборной что-то

приказывала своим барским барыням, княжна занялась музыкой, а адъютант явился к своей прислуге и заговорил о чем-то похожем на любовь. Бригадирша, сидевшая в углу с чулком, будто не ее дело, подслушала несколько подозрительных слов и - шмыг! - тихонько с рапортом к ее сиятельству, которая подседа у не совсем дотворенной двери маленькой гостиной. На беду моего прадеда, он, чтобы ловчее переворачивать ноты, положил шляпу свою на клавикорды, а княжна невзначай ее свалила. Вежливый кавалер бросился не допустить ее поднимать, она поторопилась предупредить его, учтивость столкнула их лбами, и очень больно; оба начали просить прощения, и адъютант, увлеченный извинениями, не мог не поцеловать ручки у дочери своего генерала. Поцелуй, данный от всего сердца, раздался по комнате. Княгиня его услышала, вошла и увела дочь свою в образную, где целый час читала ей нотации, не слушая никаких оправданий, и наконец послала ее на антресоли, грозя все сказать отцу. Это действие подведенной мины было тотчас передано в неприятельский лагерь, и искусный стратегик, Варвара Селиверстовна, не теряя времени, хотела им воспользоваться. Дан приказ племяннику отправить немедленно парламентаря с предложением о сдаче. Расчет свахи оказался очень верным. Княгиня, считая, по звучности поцелуя, дела дочери своей гораздо в опаснейшем положении, рада была первому приличному сватовству, чтоб спасти ее от невестной "инклинации" [*Инклинация - склонность, влечение (фр.)*], а может быть - чего Боже упаси! - и от "пасквильной истории". Брат ее, граф С..., на другой же день явился парламентарем от камергера, поместившего уже в пажи его сына. Княгиня выслушала предложение, поблагодарила за дружбу братца и обещалась, как должно, сообщить мужу, что и было через час исполнено, - хотя с утайкой громкого поцелуя, но с сильными убеждениями для избежания всяких хлопот выдать скорее Машу за порядочного и притом случайного человека. Князь, хотя и не очень был против камергера, не столько по его личным достоинствам, как по родственным связям, однако не хотел приступить к делу, не поговорив прежде с дочерью, чего крайне не хотелось матушке. Зная, что явным противоречием ничего, кроме беды, от генерала не добиться, она сама велела позвать княжну к батюшке в кабинет. Бедная невеста с заплаканными глазами входит; отец, будто не примечая ее грусти, ласково сажает подле себя и, после маленького предисловия о необходимости устроить ее участь, о обязанностях дочери и о всем, что при таких случаях говорится, объявляет ей предложение графа Ч... Дочь побледнела, как смерть, упала к отцовским ногам, просила именем Божиим не выдавать ее ни за кого замуж, а для спасения души и моления за него позволить ей идти в монастырь. Эти слова произвели тогда ужасное действие, и оробевший в первый раз генерал готов был сдаться на условиях; но хитрая генеральша, притаившаяся за китайскими ширмами, подоспела к нему на помощь и внезапно открыла ужасный огонь против непослушной дочери, которая выдержала его с непоколебимою твердостью; но все, чего наступательница в продолжении двух часов могла добиться, состояло в том, что дочь ее призналась в отличном уважении своем к Владимиру Львовичу, которого предпочитала всем бывшим, настоящим и будущим женихам. Со всем тем, не требуя неудобного родителям, она просила только не выдавать ее за графа и не противиться небесному влечению души ее. Отец, вступивший в посредничество, умилился ласкою сердце дочери, но не мог долго переносить ее чрезвычайной горести, и договор заключен, как по большей части бывает, уступкою требований с обеих сторон. Княжне дали слово не говорить больше о сватовстве князя Ч..., а она обещалась не упоминать о монастыре, и обе уговорившиеся стороны расстались с нежными обниманиями. Все это немедленно было доведено до сведения Варвары

Селиверстовны, которая заключила по слышанному, что дело с номером пятым было совершенно кончено и что ей должно для племянника попробовать счастья с номерами шесть или семь. Но как честь ее была чувствительно оскорблена неудачей сватовства, то она не могла преминуть, чтобы не распустить стороной кое-каких слухов о несчастной страсти княжны Марьи Юрьевны к бедному адъютанту ее отца. Пришли святки. Генерал получил из Петербурга уведомление, что производство, о котором он просил, выйдет непременно в новый год, и, если его сиятельству не противно, сам генерал-фельдмаршал Ласси [*Ласси - Петр Петрович (Петр Эдмонд) (1678-1751), граф, военачальник, генерал-фельдмаршал. В 1700 перешел на русскую службу в чине поручика. Участвовал в Северной войне и других войнах.*], зная лично нового подполковника, охотно возьмет его к себе на вакансию генерал-адъютанта его, Брауна [*Браун (Броун) - Юрий Юрьевич, генерал-аншеф, генерал-губернатор Финляндии.*], поступившего в полковники. Князю вдруг сделалось очень грустно, что он должен расстаться и уступить другому храброго и верного сподвижника; но слухи, распущенные свахою и доведенные до него, не позволяли ему оставаться в нерешимости. Скрепя сердце, он подвел к себе, накануне Нового года, любимейшего из всех своих подчиненных и будто с радостью объявил ему о государственной милости. Обрадованный еще менее своего начальника прадед мой, поблагодаря его, торопился к старшему княжескому флигель-адъютанту сказать, что он очистил ему вакансию, и утешить себя удовольствием, доставленным другому.

Шпионка бригадирша, догадавшись, что ее покровительнице, Варваре Селиверстовне, не везет в княжеском доме и что дочка поставила на своем, перекинулась к ней, стала раскладывать карты, в которых всегда червонная масть ложилась на сердце крестовой дамы, а крестовая над головой червонного короля, и, входя насильно в горькое положение доброй своей княжны, уговаривала ее так, для разогнания скуки, позабавиться святочным гаданьем о суженом-ряженом. Бригадиршины уговоры отвергались для соблюдения приличия, но княжна не совсем насильно была выведена ею за ворота. Спросили у прохожего, как его зовут. Судьба или шутка, а может быть, и самая главная загадчица заставили какого-то бежавшего мальчугана назваться Владимиром. Все сенные девушки засмеялись, и сама барышня улыбнулась. А как она вышла уже первый раз, то ничего не стоило ей остановиться и послушать у людского окошка, чье имя там вымолвят: и там опять услышала: "Эх, брат, иди, куда велят, или я пожалуйюсь Владимиру Львовичу". При том имени слушательница отскочила от окна и возвратилась тихомолком в свою комнату. Там прислужливая бригадирша предложила третье и самое верное гаданье: в Васильев вечер [*канун дня Василия Кесарийского, 31 декабря.*], то есть накануне Нового года, в княгининой теплой кладовой, в самом верхнем этаже, накрыть стол, поставить на нем два прибора, три большие восковые свечи и зеркало, а невесте, севши за ним, загадать: суженый-ряженный, приди со мной ужинать, и кто покажется в зеркале, за тем и быть. Хотя это гаданье и не пугало княжны, но ей казалось неприличным идти перед полночью почти на чердак, притом и кастелянша, у которой ключ от кладовой, может сказать матушке. Но бригадирша взялась достать ключ так, что сама кастелянша не проведаст; побожилась, что девушки не изменят своей доброй боярышне, все в доме улягутся спать, огонь везде погасят, - так кому увидеть? А бояться одной нечего: все станут в коридоре, близехонько от двери. Если суженый покажется в зеркале, стоит только промолвить три раза "чур меня!", легонько ударить по стеклу, и он мигом исчезнет.

Кто из нас, когда ему две загадки [*имеются в виду святочные загадки.*] удались, откажется от третьей? Дело было скоро решено, ключ украден, стол накрыт, свечи и зеркало поставлены, княжна проведена в кладовую, посажена за стол, девушки и сама профессорша ворожбы вышли, прижались в коридоре и на лестнице и ожидали с замиранием сердца, появится ли суженый.

Уже давно в Кремле пробило одиннадцать часов, когда прадед мой, отужинав у обрадованного им товарища и выпив за здоровье будущего премьер-майора, возвращался мимо генеральского дома в свою квартиру. Проходя под окнами той, кого страстно любишь и с кем должно расстаться, как не поглядеть на них, как не припомнить и того и другого, случившегося там, где уже скоро не будет несчастного любовника? А как Владимир Львович считал себя самым несчастным из всех страстно влюбленных, то он не только поглядел на окна, но остановился перед домом и, перенося воспоминания из потемного бельэтажа в антресоли, вдруг поднял глаза вверх. Увидев необыкновенный свет в подкровельных окошечках, он очень удивился, но не мог придумать, у кого бы это был там в полночь огонь, да еще такой яркий. Он начал с угла считать окошки и, досчитавшись, что непременно должна быть освещена кладовая, в которую даже и с фонарем никто не ходит, очень испугался, и, по пословице "У страха глаза велики", - ему показалось уже пламя. Уверенный, что там пожар, он пустился опрометью по задней лестнице в самый верхний коридор, что-то белое, как будто женское платье, мелькнуло перед ним. Он окликнул: никто не отвечает ему. Боясь потерять время, он бежит далее: маленький просвет, выходящий из не вполне дотворенной двери, его останавливает, он распахивает дверь и только переступил через порог, как слышит крик: "Чур меня!" - и звук разбитого вдребезги зеркала. Он бросается на крик и видит перед столом женщину, лежащую без чувств и в крови. Ужас поражает его: он всматривается и узнает самую княжну! Не постигая, что это значит, он почти падает на пол, хочет поднять бездыханную, но вдруг визг женских голосов пронзает его уши. Он оглядывается и видит вбежавшую бригадиршу и двух девушек, которые, только успев взглянуть на него и на княжну, убегают из комнаты, крича: "Помогите, помогите!.." Старуха хотела было бежать, но ноги ее подкосились, и она упала на сундук, рыдая и приговаривая: "Ах! Что я наделала?! Ах! Что будет со мною?"

- Эх! Не в вас дело! - вскричал, опамятавшись, адъютант. - Смотрите, в каком она положении! Ступайте сюда; помогите мне посадить ее на стул, привести в чувства.

Говоря это, он дрожащими руками и с трепещущим сердцем поднял бесчувственную, посадил или, лучше сказать, положил на стул. Бригадирша, увидев на руках, груди и лице ее кровь, всплеснула руками и пуще прежнего заревела:

- Ах я старая дура! Ах я греховодница! Вот тебе и суженый!..

А суженый, между тем, держа одной рукой положенную на стул, притянул другою старую дуру и заставил ее придерживать княжну; сам бросился перед нею на колени и, не зная, с чего начать, грел на сердце оледенелые руки, тер подошвы ног и, забывшись, поцеловал их с таким жаром, что возбудил замерзлую жизнь в прелестной гадательнице. Только что успела она открыть глаза и вскрикнуть, увидев у ног своего суженого, как вся кладовая заполнилась народом. Слуги с водой, девушки с унгарской водкой, домашний лекарь с целой аптекой и, наконец, сам князь с своей княгиней вбежали и остолбенели от ужаса и удивления...

- Что это!.. Как ты здесь? - спросил наконец гене рал своего адъютанта, продолжавшего помогать княж не, как будто никого перед ним не было.

Не дождавшись его ответа, спрашивал дочь: "Что с тобою сделалось?" Бригадиршу: "Боже мой! Она в крови?" Лекаря: "Не ранена ли она?" Жену: "Что это значит?" Все эти вопросы, пущенные беглым огнем, не мешали, однако ж, ему ощупывать руки и голову своей дочери и прижимать их к сердцу. Очнувшись от испуга, все вдруг бросились помогать больной и чуть не повалили ее опять на пол; но лекарь, растолкнув толпу, водою и спиртом привел обмершую в чувство. Первое ее слово, когда она очнулась, было: "Я видела моего суженого... Он... тут!.."

Она взглянула на принятого ею за привидение, вздрогнула и упала, рыдая, на отцовскую грудь.

- Он твой суженый! - вскрикнул отец с выражением, похожим на вопрос и на ответ; потом вдруг остановился, задумался, отер с лица пот, текущий градом, и, как будто собравшись с мыслями и духом, произнес решительно:

- Да, точно суженый!.. Я уверен, к чести рода моего, что еще ни с одной княжной Б... посторонний мужчина не бывал в полночь наедине, не падал перед нею на колени и не целовал ее ног, кроме ее суженого!

- Ах! Батюшка, князь Юрий Богданович! - сказала княгиня, уже между тем услышавшая от бригадирши, в чем дело, - Знаешь ли ты, отчего произошло?..

- Не мудрено догадаться, - отвечал муж, - твоя прихвостница заманила сюда Машу праздновать святочному бесу. Вот улика: накрытый стол, разбитое зеркало и три свечи... Он вошел.

- Клянусь, сударь, - прервал адъютант, - что я не знал, а проходя мимо, увидел огонь в необыкновенном месте и, страшась пожара, прибежал...

- В самую пору, - договорил князь. - Я давно знаю, что ты никогда не опаздывал в огонь и брал все награды с бою: так и теперь, грех будет лишить тебя заслуженного!

- Как, батюшка? - спросила трепещущая от страха при мужниных словах княгиня.

- Так же, сударыня! Вот наш зять, люби его и жалуй.

С этим словом он сложил руки своей дочери и адью танта и, сжав их вместе, сказал:

- Поцелуй ее теперь в губы, а не в ногу: это приличней нашему брату воину.

Слезы, восклицания благодарности, коленипреклонения и все везде описанные изъяснения радостного восторга заставили плакать не одну бригадиршу. Княгиня, видя, что уж нечего делать, принуждена была радоваться, когда самовластный во многих случаях супруг ей сказал:

- Что же ты не обнимаешь зятя? Разве бы тебе приятнее было, чтобы она, открывшись в любви к одному человеку, вышла за другого с тем, чтоб его обманывать, или, узнав, что ему известна страсть ее, стыдиться, а может быть, презирать мужа, который взял ее не по склонности, из одного приданого, и быть вечной страдальцей? Чем он тебе не нравится? Он не чиновен, но кто помешает ему дослужиться до чинов? Он беден, да мы за себя и за него богаты. Род его честный и благородный, а главное то, что он ей мил и мне люб: впрочем, не мы его искали, не он хитростью или силой вошел в наше семейство, - Бог его нам дал; а от него, как сама знаешь, всякое деяние благо, всяк дар совершен. Ну, дети, да благословит вас Бог!

- Да благословит вас Бог! - примолвила княгиня...

И чрез несколько дней была празднуема нечаянная свадьба моего прадеда.